

**ОТРАЖЕНИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ Ш.Б. НОГМОВА
ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДИВШИХ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ
В НАЧАЛЕ XIX в.**

Бижов Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Настоящая статья демонстрирует на конкретных примерах то значение и ту роль первой грамматики кабардино-черкесского языка и первого кабардинско-русского словаря Шоры Бекмурзовича Ногмова, составленных им в первой половине XIX века, для восстановления истории развития адыгских (черкесских) языков. Еще до их издания, на рукописи Ногмова опирались П. Услар, Л. Лопатинский и другие исследователи при написании своих трудов, после выхода же их в свет в 1950-е годы они стали одним из основных источников фактически для всех лингвистов-адыговедов, таковыми остаются и в настоящее время. Дело в том, что в годы жизни и деятельности Ш. Ногмова в кабардино-черкесском языке происходили ряд активных процессов как в области фонетики, так и грамматики и они отразились в обширных ногмовских материалах. Поскольку все это невозможно проанализировать в одной статье, мы ограничились наиболее важными и существенными из них – это трехступенчатый переход $z, k, kI > zь, кь, кIь > дж, ч, чI$ и история общеадыгских $дж, ч, чI$ в области фонетики и на морфологических изменениях, произошедших в оформлении эргативного и обстоятельного падежей. Этих трех моментов вполне достаточно, по нашему убеждению, для того, чтобы по достоинству оценить вклад Ш.Б. Ногмова в становление и развитие адыгского языкознания.

Ключевые слова: Ш. Ногмов, грамматика, словарь, кабардино-черкесский, общеадыгский, фонетика, изменение, падеж, окончание, языкознание.

Лингвистическое наследие Шоры Бекмурзовича Ногмова, как известно, состоит из «Начальных правил кабардинской грамматики», которые имеют две редакции – 1840 и 1843 годов, и Кабардинско-русского словаря. Эти труды были по достоинству оценены уже при жизни просветителя его современниками – учеными и передовыми людьми России, достаточно назвать имена академиков А.П. Берже и А. Шёгрена, которые, кстати, не только воодушевляли Ногмова, но и оказывали помощь дельными советами. Названные работы были первыми исследованиями не только по адыгским языкам, до них не было никаких научных разработок ни по одному из многочисленных северокавказских языков – на этот важный факт, придающий особую роль им, указывает один из известнейших лингвистов-адыговедов З.И. Керашева в своей книге, специально посвященной жизни и научной деятельности первого адыгского просветителя [Керашева 1991: 63].

К сожалению, и грамматика, и словарь Шоры Ногмова были изданы более чем через сто лет после их написания, но имеются свидетельства о том, что с этими рукописями были знакомы и опирались на них те авторы, которые занимались адыгскими языками после Шоры Ногмова, в частности П. Услар, Л. Лопатинский, К. Атажукин и другие. И позже, уже в советское время, когда адыговедение

стало по-настоящему научным направлением, пожалуй невозможно найти хотя бы одного специалиста в этой области, кто не обращался к научному наследию Ш. Ногмова. Оно и сегодня ценно для лингвистов-адыговедов как самый обширный материал о состоянии кабардино-черкесского языка в начале XIX века, опираясь на которого можно проследить историю его развития за последние два столетия.

В этом плане проделана значительная работа, но необходимо особо отметить заслуги Г.Ф. Турчанинова и М.А. Кумахова. Г.Ф. Турчанинов не только осуществил первый глубокий анализ Грамматики и Словаря Ш. Ногмова, но приложил титанический труд к подготовке к изданию сочинений Ш. Ногмова. Кстати, З.И. Керашева справедливо заметила в своей монографии, что нельзя забывать то, что в этом важном деле солидную помощь ему оказали старейший адыговед Х.У. Эльбердов и Т.Х. Куашева [Керашева 1991: 67–68].

В своем докладе я хотел бы остановиться на некоторых важных моментах отражения в произведениях Ш. Ногмова фонетических и грамматических процессов, происходивших в кабардино-черкесском языке при жизни просветителя, опираясь, наряду с собственными наблюдениями, на публикации названных языковедов.

Без всякого сомнения, обилием подобных процессов или изменений отличается область фонетики. Судя по материалам Грамматики и Словаря Ш. Ногмова, в начале XIX века в языке наблюдались ряд фонетических преобразований, находившихся в это время на разных уровнях развития.

1. В основе современных кабардино-черкесских фонем *дж*, *ч*, *чI* лежат общеадыгские простые нелабиализованные заднеязычные *г*, *к*, *кI*, которые и поныне сохранились как реликтовые явления в некоторых диалектах и говорах, например в кубанском диалекте говорят *бзагэ* «злой» вместо лит. *бзаджэ*, *гыпсту* «сейчас», вместо *иджыпсту*, *кыцэ* «кустарник» вместо *чыцэ*, *йыпэкIэ* «раньше», вместо *ипэкIэ* и т.д. Но дело в том, что в том же диалекте в речи старшего поколения в 1950-е годы были зафиксированы в качестве их вариантов мягкие палатализованные *гь*, *кь*, *кIь*. Их наличие отмечено и в других адыгских диалектах (например, в шапсугском), а также в абазинском и убыхском языках, что позволяет сделать вывод о том, что данные мягкие варианты явились переходным этапом в процессе аффрикации заднеязычных согласных. Этот трехэтапный процесс уже завершился в литературном кабардино-черкесском языке, но в бесленеевском диалекте, малокабардинских говорах и частично в малкинском говоре сохраняются палатализованные согласные *гь*, *кь*, *кIь*, т.е. процесс перехода *г*, *к*, *кI* > *гь*, *кь*, *кIь* > *дж*, *ч*, *чI* протекал и протекает в адыгских языках с разной степенью интенсивности. Аффрикация палатализованных *гь*, *кь*, *кIь* в кабардино-черкесском языке вступила в действие значительно позже, чем в адыгейском языке, о чем свидетельствует словарь Ш.Б. Ногмова, а также другие его произведения, в которых вместо новых мягких шипящих аффрикат везде представлены заднеязычные согласные (он обозначает их знаками *г*, *к*, *к̣*): *егэн* «звать», *гегу* «игра», *ке* «селезенка», *ка* «хвост», *канса* «веревка».

По мнению Г.Ф. Турчанинова, эти заднеязычные согласные в годы жизни Ногмова были палатализованными [Турчанинов 1949: 50–51]. Возражая этому утверждению, М.А. Кумахов обращает внимание на следующее: для обозначения лабиализованных заднеязычных *гу*, *ку*, *кIу* Ш.Б. Ногмовым используются те же знаки *г*, *к*, *к̣* с добавлением к ним знаков *у*, *о* (например: *гу* «сердце», *гохин* «отрубить», *куу* «глубокий», *код* «много», *к̣он* «идти»). Не подлежит сомнению, что лабиализованные заднеязычные при Ш.Б. Ногмове не были палатализованными, как и в современном кабардино-черкесском языке. На этом основании скорее всего можно предположить, что у Ш.Б. Ногмова простые заднеязычные взрывные по своим артикуляционным свойствам отличаются от лабиализованных заднеязычных взрывных лишь лабиализованной артикуляцией [Кумахов 1981: 188].

В таблице согласных Л.Г. Лопатинского, составившего краткую кабардинскую грамматику и русско-кабардинский словарь с кабардинским указателем в конце XIX века (примерно через полстолетия после завершения работы над «Черкесскими преданиями» и «Начальными правилами кабардинской грамматики» Ш.Б. Ногмова) [Лопатинский 1891], из новых мягких шипящих аффрикат представлена лишь одна звонкая шипящая аффриката *дж*. Однако и эта единственная шипящая аффриката в словаре Л.Г. Лопатинского встречается лишь в одном исконном адыгском слове *джэгу* в значении «девичник» и производном от этого корня слове *гъэдджэгу* в значении «гарцевать». Корень *джэгу* с основным этимологическим значением «игра», «играть», в словаре представлен с заднеязычным смычным согласным. Ср. *гегу*, *гегун* «играть» (интересно отметить, что основные осведомители Л.Г. Лопатинского при исследовании кабардинского языка, в частности Талиб Кашежев, были уроженцами того самого аула Кармово, где жил Ш.Б. Ногмов). Шипящая аффриката *дж* отмечается также в заимствованном слове *маджусий* «идолопоклонник». Во всех остальных случаях современной вторичной звонкой мягкой шипящей аффрикате в словаре Л.Г. Лопатинского соответствует заднеязычный смычный согласный. Шипящие аффрикаты *ч*, *чI* вовсе отсутствуют у Л.Г. Лопатинского: *гиде* «топор», *гане* «рубашка», *гате* «сабля», *кеу* «плетень», *кенж* «неглубокий, мелкий», *бле* «проходящий», *кепхин* «фартук».

Таким образом, в работах двух основных дореволюционных исследователей кабардино-черкесского языка отмечаются заднеязычные смычные вместо вторичных шипящих аффрикат. Отсюда, однако, нельзя делать вывод, что еще в конце прошлого столетия (в период создания работ Л.Г. Лопатинского) аффрикатизация заднеязычных взрывных была совершенно чужда кабардино-черкесскому языку. Фонетические различия между диалектами и говорами не могли быть полностью отражены в работах Ш.Б. Ногмова и Л.Г. Лопатинского. Вместе с тем широкое распространение аффрикатизации заднеязычных взрывных во всех современных кабардино-черкесских диалектах и говорах, за исключением бесленеевского диалекта (который не мог лечь в основу указанных работ), свидетельствует о сравнительно быстром и интенсивном развитии данного звукового процесса в данном языке.

2. Мы говорили до сих пор о производных *дж*, *ч*, *чI* в кабардино-черкесском, которых нельзя смешивать с первичными общеадыгскими *дж*, *ч*, *чI*. Из последних мягкая шипящая аффриката *дж* еще прочно удерживается в бжедугском, шапсугском, темиргоевском и бесленеевском диалектах. Вместе с тем следует полагать, что в общеадыгском звонкая аффриката *дж* восходит к разным источникам, что и нашло отражение в ее развитии после распада языка-основы. С одной стороны, старая аффриката *дж* реконструируется на основании звукосоответствия бжедугского, темиргоевского, шапсугского, бесленеевского *дж*, абадзехского *жъ*, кабардино-черкесского *ж*. Ср. бжедуг., темирг., шапс., бесл. *баджэ*, абадз. *бажъэ*, каб. *бажэ* «лиса»; бжедуг., темирг., шапс., бесл. *лъэмыдж* (*лъэмыджы*), абадз. *лъэмыжъ*, каб. *лъэмыж* «мост»; бжедуг., темирг., шапс., бесл. *хъэджыгъэ*, абадз. *хъэжъыгъэ*, каб. *хъэжыгъэ* «мука»; бжедуг., темирг., шапс. *ккъуаджэ*, бесл. *кълуаджэ*, абадз. *ккъуажъэ*, каб. *кълуажэ* «селение», «село». Наряду с указанной общеадыгской аффрикатой *дж*, характерной для интервокального положения, в общеадыгском представлена аффриката *дж*, реконструируемая на основании звукосоответствия: бесл. *дж*, каб. *ж*, темирг. *ч*, абадз. *шь*, бжедуг., шапс. *чч*, темирг. *ч*. Ср. бесл. *джэм*, каб. *жэм*, темирг. *чэмы*, абадз. *шьэмы*, бжедуг., шапс. *ччэмы* «корова»; бесл. *джан*, каб. *жан*, темирг. *чан*, абадз. *шьан*, бжедуг., шапс. *ччан* «острый»; бесл. *джэшь*, каб. *жэшь*, темирг. *чэшьы*, абадз. *шьэшьы*, бжедуг., шапс. *ччэшьы* «ночь».

Показательны различия между говорами бесленеевского диалекта в распределении старой аффрикаты *дж*. Более архаичным оказывается анатолийский говор Зеннун, где *дж* имеет широкое распространение ввиду неравномерности развития

тенденции перехода *дж > ж* в кабардино-черкесских диалектах и говорах [Paris 1974: 113]. Незавершенностью перехода *дж > ж* с бесленеевским сближается говор села Абазакт: *джэм, жэм* «корова», *ныджэбэ, ныжэбэ* «сегодня ночью», *кълуаджэ, кълуажэ* «селение, село», *хьэджыгъэ, хьэжыгъэ* «мука» [Багов 1969: 13]. Как видно, в этом говоре на уровне вариантов прослеживается старая аффриката *дж*, гетерогенная по своему происхождению (ср. *джэм* «корова», *кълуаджэ* «селение»). Аналогичное явление наблюдается у Ш. Ногмова: *джэм* «корова», *джан* «острый», *джэшь* «ночь», *баджэ* «лиса», *кълуаджэ* «селение» и др.

Переход *дж > ж* относится к поздней эпохе самостоятельного существования кабардинского языка. Об этом свидетельствует не только бесленеевский диалект, прочно удержавший общеадыгскую аффрикату *дж*, но также письменные памятники XIX столетия. Так язык Ш.Б. Ногмова характеризуется незавершенностью процесса перехода *дж > ж*. С одной стороны, у Ш.Б. Ногмова в ряде случаев вместо спиранта *ж* представлена исходная аффриката (*баджэ* «лиса»), а с другой стороны – аффриката *дж* и спирант *ж* находятся в отношении свободного варьирования (*кълуаджэ, кълуажэ* «село» и др.).

Общеадыгская аффриката *чI* дает несколько рефлексов в адыгских диалектах. Аффрикате *чI* в диалектах и говорах соответствуют: мягкий шипящий абруптивный спирант *шь* в абадзехском и моздокском диалектах [Куашева 1969: 126], мягкий шипящий абруптивный спирант *шь* и мягкий свистящий спирант *сIь* в малкинском говоре [Шагиров 1969: 291–292], шипяще-свистящий спирант *шI* в баксанском, кубанском диалектах, малокабардинском и черкесских говорах (за исключением речи абазактцев). Ср. абадз., мозд. *шьэ*, малк. *шьэ, сIьэ*, бакс., куб., малокаб. *шIэ* «новый», «молодой»; абадз. *хьашIэ*, мозд. *хьэшIэ*, малк. *хьэшIэ, хIэсIьэ*, бакс., куб., малокаб., черк. *хьэшIэ* «гость»; абадз., мозд. *машIэ*, малк. *машIьэ, масIьэ*, бакс., куб., малокаб. *машIэ* «мало». Спирант *шI* вместо общеадыгской аффрикаты *чI* представлен также в кабардино-черкесском литературном языке.

Исходная мягкая шипящая аффриката встречается еще у Ш.Б. Ногмова, не различающего противопоставления шипящих аффрикат по твердости-мягкости. Вместо *чIь* и *чI* Ш. Ногмов употребляет одну (мягкую) аффрикату (он обозначает ее знаком $\hat{ч}$): $\hat{чи}$ «земля», $\hat{ча}$ «молодой», «новый», $\hat{жу}$ «железо», $\hat{чалh}$ «юноша», «парень».

Язык Ш.Б. Ногмова сближается с шапсугским диалектом, где твердая шипящая аффриката *чIь* совпала с мягкой аффрикатой *чI*: Ср. шапс. *чIыгу* «земля», *чIэ* «новый», «молодой», *гьуычIы* «железо», *чIалэ* «юноша», «парень». Как отмечалось выше, аналогичное явление – переход *чIь > чI* – отмечается в бесленеевском говоре Зеннун [цит. по: Кумахов 1981: 182]. Отсюда в тех адыгских диалектах и говорах, в которых имело место снятие противопоставления *чIь: чI* в результате совпадения твердой аффрикаты *чIь* с мягкой аффрикатой *чI*, последняя относится к разным хронологическим эпохам: в одних случаях *чI* восходит к общеадыгскому языку, в других – к периоду после дифференциации языка-основы на самостоятельные языки и диалекты. Адыгские диалекты и говоры сохранили разные ступени как перехода общеадыг. *чIь > чI > шьI > шI*, так и перехода общеадыг. *чI > шьI > шI*.

3. Теперь о переменах, произошедших в падежной системе кабардино-черкесского языка. Если оставить без внимания те названия, которые им давал Ш. Ногмов, подражая русской грамматике, а также некоторые нестыковки в разных местах, он в принципе выделил все четыре падежные формы, которые окончательно утвердились в современном адыговедении: именительный на *-р*, эргативный на *-м*, послеложный на *-(м)кIэ*, обстоятельственный на *-уэ* [Ногма 1959: 61]. При этом ногмовские примеры свидетельствуют о том, что для эргатива в то время более характерным было окончание с гласным исходом (*-мэ*), хотя у него встречаются и формы без этого исхода (*-м*), что принято литературной нормой для

современного языка. Как справедливо отмечено Г.Ф. Турчаниновым, процесс преобразований эргатива ярко демонстрируют факты, извлеченные из текстуальных записей Ш.Б. Ногма [Турчанинов 1960: 208]. Разнобой в оформлении эргатива наблюдается также в записях Гюльденштедта, которые были зафиксированы за полвека до Ногмова, а также более поздних изданиях Кази Атажукина и Магомеда Шарданова. Более того, в наше время в речи некоторых представителей старшего поколения встречается форма на *-мэ*, т.е. две формы сосуществуют в языке как минимум уже два столетия. Окончательное утверждение варианта на *-м* произошло именно благодаря орфографическим правилам.

М.А. Кумахов убедительно доказал, что *-мэ* как форма эргатива не имела числового противопоставления в общеадыгском языке, т.е. контекстуально она могла обозначать и единственное, и множественное число. Подобное состояние сохраняется в ряде диалектов, например, в шапсугском [Кумахов 1989: 19]. У Ногмова можно обнаружить примеры, подтверждающие факт употребления формы *-мэ* со значением не только единственного, но также и множественного числа. Однако преобладание в его записях все же форм эргатива, где уже присутствует наряду с *-мэ* и аффикса множественного числа *-хэ*, свидетельствует о том, что к тому времени в кабардино-черкесском языке в эргативном падеже превалировали маркированные по числу формы: *сабий-хэ-мэ* «дети», *уэркъ-хэ-мэ* «орки», *лъэс-хэ-мэ* «пешие», *шу-хэ-мэ* «всадники» и т.д.

Претерпело изменение также оформление обстоятельственного падежа, вместо нынешнего его окончания *-уэ* фактически во всех примерах Ш. Ногмова *-гуэ*: *хабзэ-гуэ* «как закон», *быдзышэ-гуэ* «как грудное молоко», *шыпхъу-гуэ* «как сестра», *анэ-гуэ* «как мать» и т.д. [Турчанинов 1959: 61]. М.А. Кумахов считает, что на общеадыгском уровне форматив обстоятельственного падежа реконструируется как *-гуэ* [Кумахов 1989: 29]. Опорой для подобной реконструкции служат, наряду с Ногмовым, также материалы И.А. Гюльденштедта, Л.Г. Лопатинского, К.М. Атажукина и др.

В современном языке форматив обстоятельственного падежа имеет фонетические варианты *-у* и *-уэ*. Их выбор определяется строением основы, к которой они присоединяются: в односложных основах с вокалическим исходом используется *-уэ* (*сэ-уэ* «в качестве ножа», *псы-уэ* «в качестве воды»), а *-у* характерен для многосложных основ (*мазэ-у* «как луна»). Однако при этом данные варианты часто взаимозаменяют друг друга, например: *сэ-у // сэ-уэ* «в качестве ножа», *мазэ-у // мазэ-уэ* «как луна» и т.д. То, что появление фонетических вариантов *-у // -уэ* является более поздним явлением, подтверждается тем, что исходный для них *-гуэ* не может иметь подобных вариантов.

В нашей статье рассмотрены всего три момента затронутой темы, их на деле намного больше, т.е. ногмовский материал предоставляет широкую возможность реконструировать состояние кабардино-черкесского языка и проследить историю развития адыгских языков за несколько столетий. Потенциал наследия первого лингвиста-адыговеда в этом плане исчерпан далеко не до конца, оно будет, несомненно, настольной книгой для адыговедов еще на долгие годы.

Источники и литература

1. Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 9–75.
2. Керашева З.И. Шора Ногмов – выдающийся ученый (на адыгейском языке). Майкоп: РИПО «Адыгея», 1991. 92 с.
3. Куашева Т.Х. Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 119–189.
4. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.

5. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
6. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. I. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 210 с.
7. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. II. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1959. 200 с.
8. *Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половине XIX в. // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Вып. 2. С. 39–60
9. *Турчанинов Г.Ф.* К теории черкесского эргатива // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 204–210.
10. *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 290–329.
11. *Paris Catherin.* Systeme phonologique et phé nomenes phoné tiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publiée par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris, 1974. 248 p.

**REFLECTION IN LINGUISTIC WORKS BY SH.B. NOGMOV
PHONETIC-GRAMMATICAL PROCESSES OCCURRING
IN THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE AT THE BEGINNING
OF THE 19th CENTURY**

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Research Scientist, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

This article demonstrates with concrete examples the significance and role of the first grammar of the Kabardino-Circassian language and the first Kabardian-Russian dictionary of Shora Bekmurzovich Nogmov, compiled by him in the first half of the nineteenth century, to restore the history of the development of Adyghe (Circassian) languages. Even before their publication, P. Uslar, L. Lopatinsky and other researchers relied on the Nogmov's manuscript when writing their works, after their publication in the 1950s, they became one of the main sources for virtually all Adyghe linguists, and they still remain such. The fact is that during the years of life and activity of Sh. Nogmov in the Kabardino-Circassian language a number of active processes took place both in the field of phonetics and grammar and they were reflected in the vast Nogmov materials. Since all this cannot be analyzed in one article, we limited ourselves to the most important and significant of them – this is a three-stage transition $z, k, kI > zb, kb, kIb > dz, c, cI$ and history general Adyghe $дж, ч, чI$ in the field of phonetics and on morphological changes that occurred in the design of ergative and circumstantial cases. These three points are quite enough, in our opinion, to appreciate the contribution of Sh.B. Nogmov in the formation and development of Adyghe linguistics.

Keywords: Sh. Nogmov, grammar, dictionary, Kabardino-Circassian, Common Adyghe, phonetics, change, case, ending, linguistics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-54-59